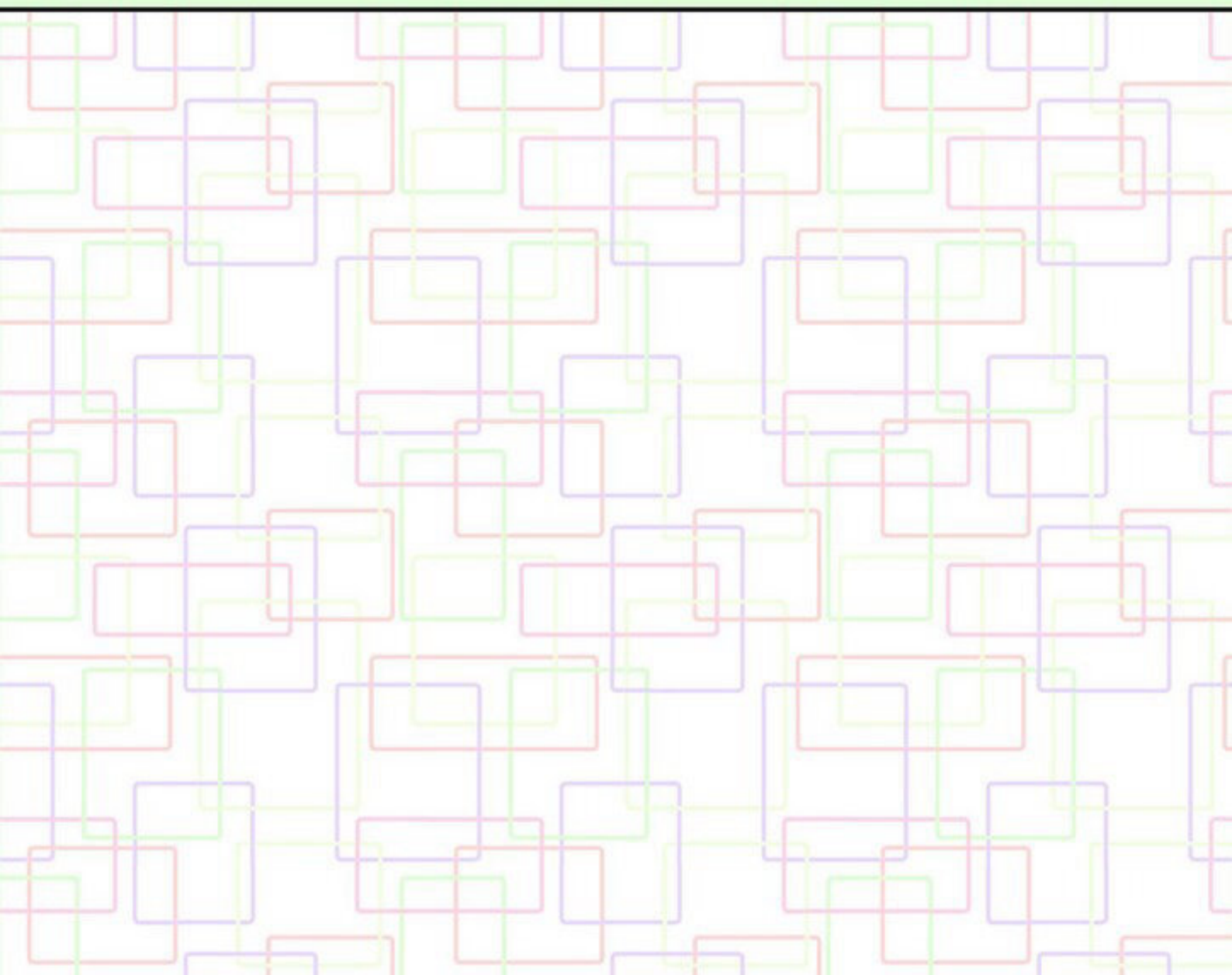

18+

Егор Закутайло

Тихие голоса в стенах

Егор Закутайло

Тихие голоса в стенах

«Издательские решения»

Закутайло Е.

Тихие голоса в стенах / Е. Закутайло — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690345-6

Алексей Волков приезжает в дом детства, чтобы продать его и забыть прошлое. Но дом помнит всё. Стены шепчут голосами, полными упрёка и боли, напоминая о смерти сестры и его вине. Чтобы выжить, Алексей должен не бежать, а встретиться лицом к лицу с тем, что он годами пытался забыть. «Тихие голоса в стенах» — леденящий душу роман о цене молчания и о том, что самое страшное часто живёт внутри нас.

ISBN 978-5-00-690345-6

© Закутайло Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Наследство	6
Глава 2: Тонкие стены	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тихие голоса в стенах

Егор Закутайло

© Егор Закутайло, 2026

ISBN 978-5-0069-0345-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Наследство

Ключи заржавели. Алексей с силой провернул их в скрипящем замке, и тяжёлая дубовая дверь, вздохнув, отворилась внутрь. Его первый вдох в доме детства был глотком затхлого воздуха – густой коктейль из пыли, старого дерева и чего-то сладковато-гнилого, вроде забытых яблок. Пахло забвением.

Он переступил порог, и этот звук – глухой стук каблучков по голым половицам – отозвался эхом в пустоте. «Пустота, – подумал Алексей с профессиональным удовлетворением архитектора. – Хорошо. Чем пустее, тем проще.»

Комнаты стояли, как законсервированные банки с испортившимся временем. Мебель, накрытая пыльными простынями, напоминала призраков. Луч сентябрьского солнца, пробивавшийся сквозь забитое паутиной окно в гостиную, высвечивал миллионы пылинок, танцующих в неподвижном воздухе. На каминной полке – единственное свидетельство недавнего прошлого – стояла урна. Простой керамический сосуд, пепельного цвета. Мать хотела быть здесь. Последняя прихоть женщины, которая всю жизнь молчала.

Долг, а не горе, – холодно напомнил он себе и поставил спортивную сумку на пол. Горе – это для тех, у кого были тёплые воспоминания. У него же от этого дома осталось только одно: чувство смутной, беспричинной тревоги, подёрнутой дымкой детской амнезии. И лунатизм. Мать говорила, он в детстве бродил по ночам, особенно здесь. Перестал, только когда они уехали.

Его взгляд упал на стену в коридоре. Когда-то там висели фотографии. Теперь остались лишь прямоугольники чуть менее выцветших обоев и ржавые гвоздики. Он провёл пальцем по одному такому следу. Где-то в коробках, наверное, эти снимки. Все, кроме одного. Того, где он с Аней у реки. Этого снимка он не видел с самого того дня.

Мысль о сестре, как всегда, упёрлась в глухую стену в его сознании. Река. Крик. Плеск. Пробел. И потом – вечное, каменное лицо матери. Не упрёк. Хуже – молчаливое ожидание упрёка, которое так никогда и не прозвучало.

Он встряхнул головой, гнал прочь призраков. У него был план: неделя на оценку состояния, вызов мужиков из деревни для разбора хлама, сдача дома риелтору, который специализируется на «наследствах с характером». Всё по чертежу.

Осматривая кухню, он наткнулся на единственное свидетельство чужого присутствия. На столе, аккуратно сложенные стопочкой, лежали три конверта. Счёт за электричество (давно отключено), какое-то уведомление из сельсовета и письмо от руки, в дешёвом линованном конверте.

Алексей взял его. Почерк был старомодный, дрожащий. «Новому хозяину дома Волковых».

Он вскрыл конверт.

«Здравствуйтесь, – гласило письмо. – Пишет вам соседка, Мария Степановна. Примите соболезнования по матери. Дом ваш стоит давно ничей, и тут такое... Лучше вам переноче-

вать сначала не в нём. У меня комната свободная. И ещё – стены тут тонкие. Иногда кажется, что они шепчут. Это от ветра и сырости, конечно. Но старые бревна трещат, звуки странные бывают. Не обращайтесь внимания. Заходите, если что. Дом напротив, с синими ставенками.»

Алексей усмехнулся. Деревенская эксцентричность. Боязнь пустых домов. Он смял письмо и отправил его в пустой карман, собираясь выбросить позже.

Он решил начать с чердака – там, по логике, должен был быть самый ненужный хлам. Лестница, спускавшаяся с потолка коридора, скрипела жалобно под его весом. На чердаке пахло ещё сильнее – старой шерстью, мышами и той же сладковатой гнилью.

И тут он его увидел. В дальнем углу, за грудой разваленных стульев, стоял его старый кукольный домик. Подарок отца, которого он почти не помнил. Алексей приблизился. Домик был точной, миниатюрной копией этого дома, даже с резными наличниками. Кто-то (он? мать?) аккуратно накрыл его простыней.

Что-то заставило его взяться за уголок ткани и дёрнуть. Пыль взметнулась столбом. И Алексей замер.

Внутри домика была совершенная пустота. Ни комнаток, ни лестниц, ни крошечной мебели. Только грубая деревянная коробка. Но это было не самое странное.

Стены миниатюрного домика изнутри были исчерчены царапинами. Тысячами мелких, неглубоких линий, будто кто-то с упорством маньяка, день за днём, водил по дереву острым гвоздём. Эти царапины складывались в подобие букв, в спирали, в какие-то ребусы, лишённые смысла. Они покрывали каждую внутреннюю поверхность.

Алексей отшатнулся, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Бессмыслица. Детская блажь. Возможно, его собственная.

Он спустился вниз, в гостиную, где уже сгущались сумерки. Решение пришло само собой, на волне раздражения и внезапной усталости. Он останется здесь. Сегодня же. Чтобы доказать – себе, этому дому, призракам прошлого – что он не суеверный ребёнок. Он – взрослый человек с чертежом и планом.

Он разогнал консервы на примусе, сидя на ящике. Тишина дома была не мирной, а густой. Давящей. Как вата в ушах. Иногда она прерывалась скрипом балки, шорохом за стеной (мыши, конечно), гулом в собственных ушах.

А когда он лёг в спальнике на полу в гостиной и выключил фонарик, тишина стала абсолютной. И в этой абсолютной тишине его собственное дыхание казалось грубым вторжением.

Он почти провалился в сон, когда это началось.

Сначала он подумал, что это снова шум в ушах. Еле уловимый, высокий гул. Но потом гул обрёл структуру. Он дробился. Становился похож на... шёпот. Неразборчивый, идущий будто со всех сторон сразу, из самих стен. Как будто десятки людей заговорили закопанными за обивкой ртами.

Алексей замер, вслушиваясь. Сердце глухо стучало в груди. Ветер. Дерево. Сырость. Старая электропроводка.

И тогда из общего потока выделился один голос. Тонкий, детский. И знакомый до боли в висках.

Голос прошептал прямо у него в ухе, холодным выдохом из самой темноты:

– Лёша... Ты почему меня не нашёл?

Глаза Алексея широко распахнулись, вглядываясь в непроглядный черный потолок. Он не дышал. Лунатизм. Сонный паралич. Галлюцинация от усталости.

Шёпот повторился, уже с другой стороны, будто источник переместился:

– Прятки... Я так долго ждала...

А потом он услышал другой голос. Низкий, полный невыразимой тоски. Голос матери, но такой, каким он его никогда не слышал – сломанным и бесконечно уставшим:

– Лучше не помнить, Лёшенька... Лучше... забыть...

В этот миг письмо Марии Степановны в его кармане будто загорелось холодным огнём. Он сжался в комок в спальнике, зажмурившись, как ребёнок, повторяя про себя, как мантру: Это не настоящее. Это не настоящее. Это не...

А тихие голоса в стенах продолжали свой беседу, нашептывая ему историю этого дома. Его историю. Которую он так отчаянно пытался оставить в наследство.

Глава 2: Тонкие стены

Шёпот растворился с первыми лучами солнца.

Алексей обнаружил себя сидящим на холодном полу, прислонившись спиной к стене. Он не помнил, когда заснул. Или отключился. Его тело ныло от неудобной позы, а во рту стоял привкус страха и пыли. Ночь растаяла, как кошмар, оставив после себя лишь стойкое, липкое ощущение нереальности.

«Сонный паралич, – сказал он вслух, и его голос, хриплый от недосыпа, гулко отозвался в пустоте. – Классический случай. Стресс, новая обстановка».

Он встал, разминая затекшие мышцы, и с рациональным упорством принялся за утро. Вскипятил воду на примусе, выпил крепкого чая. Действия, простые и понятные, выстраивали вокруг него хлипкий барьер нормальности.

План на сегодня был ясен: осмотреть дом структурно, составить список первоочередных работ для будущих рабочих. Он достал блокнот и лазерный дальномер – свои профессиональные инструменты. Это был его язык, его способ общения с миром. Стены, измеренные и нанесённые на план, переставали быть загадкой. Они становились просто объектами.

Он начал с гостиной, щёлкая кнопкой дальномера. Луч красной точки скользил по стенам, фиксируя длину, ширину, высоту. Цифры выстраивались в колонку, успокаивая. Но когда он измерил одну стену, а затем противоположную, в блокноте возникло несоответствие. Внутренние перегородки съедали лишние двадцать сантиметров. Нет, он, наверное, ошибся, цель был не в тот угол.

Алексей перемерил. Снова. Цифры упрямо не сходились. Лоб покрылся испариной. Он знал геометрию. Он верил в геометрию. Он отошёл в центр комнаты, пытаясь на глаз оценить пропорции. И тут его взгляд упал на дверной проем в коридор. Он казался... чуть уже, чем вчера. Или выше? Искажение перспективы. Или остаточное напряжение от ночного кошмара.

Раздражённый, он вышел в коридор, решив проверить чердак. Возможно, там есть скрытые лазы или повреждения стропил, влияющие на геометрию нижнего этажа. Лестница скрипела всё так же жалобно.

На чердаке было светло и безжизненно. Пыльные лучи солнца выхватывали из полумрака ту же грудку хлама и пустой кукольный домик. Алексей намеренно отвернулся от него, сосредоточившись на осмотре кровли и балок. Всё было старым, но целым. Никаких видимых причин для деформации.

И тогда он услышал это снова. Не шёпот. А звук.

Тихое, мелодичное поскрёбывание. Как будто кто-то острым металлическим предметом медленно, ритмично водит по дереву. Звук шёл снизу. Из самой глубины дома.

Сердце Алексея ёкнуло. Он замер, затаив дыхание. Звук повторился. Скрип-скрип-скрип. Методично, почти гипнотически.

«Крысы, – выдавил он из себя шёпотом. – Или птица под карнизом».

Но звук был слишком... целенаправленным. Слишком похожим на тот, что мог оставить гвоздь на внутренней стенке кукольного домика.

Он спустился вниз, следуя на слух. Звук вёл его по коридору мимо гостиной, дальше, к маленькой заброшенной комнатке, которую в детстве называли «кладовкой». Дверь в неё была всегда заперта. Сейчас она была приоткрыта на палец.

Алексей толкнул её. Комната была пуста, если не считать старого развалившегося комода у стены. Скребущий звук был здесь громче всего. Он шёл из-за этой самой стены. Из соседней спальни родителей.

Сжав кулаки, Алексей вышел в коридор и резко распахнул дверь в спальню. Яркий свет ворвался в помещение, выставляя напоказ голый матрас на пружинной сетке, пустую вешалку и пыль.

Звук прекратился. Резко, как по команде.

В наступившей тишине он услышал другое. Снаружи. Шаги по гравию и приглушённый женский голос, напевающий что-то невнятное.

Алексей подошёл к окну. Во двор, осторожно оглядываясь, входила пожилая женщина в тёмном платке и просторном пальто. Она несла в руках глиняный горшок с каким-то вялым растением. Мария Степановна.

Он почти выбежал из дома, ощущая дикое, иррациональное облегчение от вида другого живого человека.

– Здравствуйте! – его голос прозвучал громче и радостнее, чем он планировал.

Женщина вздрогнула и обернулась. Её лицо, испещрённое морщинами, было нелюдимым и настороженным.

– А, хозяин, – кивнула она, не улыбаясь. – Ну что, ночь пережили?

В её голосе не было ни капли обычного деревенского любопытства. Был лишь плоский, констатирующий вопрос.

– Да, конечно, – бодро ответил Алексей. – Немного скрипели старые балки, но ничего.

Мария Степановна медленно поставила горшок на крыльцо своего дома напротив.

– Это герань. От сырости и дурных мыслей помогает, – сказала она, не глядя на него. Потом метнула быстрый, острый взгляд на его дом. – А вы... стены-то мерили уже?

Ледяная игла прошла по спине Алексея. Он попытался сохранить безразличное выражение лица.

– Как архитектору, мне это интересно. Старая постройка, могли быть переделки.

– Переделки, – повторила она, и в её голосе прозвучала тень чего-то, что могло бы быть горькой усмешкой. – Да, были тут переделки. Только не те, что на плане покажешь. – Она помолчала, собираясь с мыслями. – Вы к обеду заходите. Щи сварила. И... вопросы есть. Про дом. И про ваших.

Она развернулась и скрылась за своей дверью, не дав ему возможности отказаться.

Алексей остался стоять посреди двора, чувствуя, как рациональные объяснения, выстроенные им за утро, дают трещину. Скрип гвоздя. Несходящиеся размеры. И этот взгляд старухи – не сочувствующий, а знающий. Знающий то, чего не знает он сам.

Он обернулся к своему дому. Окна глядели на него теперь не просто пустотой, а слепой, равнодушной внимательностью. И ему внезапно, до тошноты ясно, что дом ждал. Не его возвращения. А чего-то другого. И теперь, когда он здесь, это что-то началось.

Он посмотрел на блокнот в своей руке, на столбик бессмысленных, не сходящихся цифр. Его чертёж был ложью. А правда была там, за этими «тонкими стенами». И, кажется, единственный человек, готовый о ней говорить, только что пригласил его на щи.

Щи оказались густыми, наваристыми, с дымком. Они стояли на столе в чистой, но убогой горнице Марии Степановны, где пахло травами, воском и тем же сладковатым запахом старости, что и в его доме, только слабее.

Ели молча. Алексей чувствовал, как старуха его изучает, будто проверяя на прочность. Он выдержал паузу первым.

– Вы вчера писали про шёпот. От ветра, говорите.

– Говорила, – не глядя, ответила она, обмакивая хлеб. – Ветер, сырость. Бревна усыхают, звуки странные идут. Многие так думают.

– А вы? – прямо спросил Алексей.

Мария Степановна медленно подняла на него глаза. Глубокие, мутные, как вода в заброшенном колодце.

– Я думаю, дом помнит громче, чем люди. И иногда... напоминает. Особенно тем, кто забыть пытается.

Ложка в руке Алексея замерла.

– Что он должен мне напомнить?

– Не мне вам рассказывать. Вы сами знаете. Или должны были знать, – она отпила из кружки. – Мать ваша, Лида, последние годы почти не выходила. Сидела у окна и на ваш дом смотрела. Не плакала. Молчала. А это самое страшное. Тишина – она ведь не пустая. Она чем-то заполняется.

– Чем? – голос Алексея звучал глуше, чем он хотел.

– Тем, что не сказали. Обидами. Вопросами без ответов. – Она помолчала. – Ваша сестрёнка, Анна... хорошая девочка была. Солнечная. И пропасть такая – после неё в доме воцарилась. Не громкая, а... тихая. Как вакуум. Он всё в себя и затянул.

– Я не помню, – автоматически, сквозь стиснутые зубы, сказал Алексей. Отточенная за годы фраза-щит.

– Вот потому он к вам и липнет, – вдруг резко проговорила старуха, ударив ладонью по столу. Посуда звякнула. – Потому что вы – самый большой кусок этой тишины! Вы вынесли её отсюда и растащили по всей своей жизни. А дом свой кусок назад хочет.

Алексей отодвинул тарелку. Аппетит исчез.

– Что вы хотите сказать? Что в доме призрак моей сестры?

– Призраки – это для церкви, – фыркнула Мария Степановна. – Тут не призрак. Тут... состояние. Болезнь места. Она питается тем, что вы в себе носите. Чувством вины.

Слово повисло в воздухе, тяжелое и неоспоримое.

– У меня нет...

– Не ври мне, – отрезала она. – И себе не ври. Это бесполезно. Ты можешь не помнить головой, но тело помнит. Дом помнит. Он сейчас с тобой как с больным обращается – ковыряется в старых ранах, чтобы гной выпустить. Только способ у него... нечеловеческий.

Она встала, подошла к комоду и выдвинула ящик. Оттуда она достала потрёпанную тетрадь в клеёночной обложке.

– Я тут кое-что записывала. Когда тишина становилась уж очень... говорящей. Не для себя. Для того, кто приедет. Для тебя, выходит.

Она протянула тетрадь. Алексей взял её, как берут живую змею. На первой странице, кривым, но разборчивым почерком было написано: «Что слышно в стенах дома Волковых».

Он машинально открыл. Отрывки, даты.

«12 октября. Слышу, как Лида плачет. Но не в своем доме, а в ихнем. Стеной через. Или это стена плачет?»

«3 января. Опять тот скрежет. Как гвоздём по дереву. Идет из спальни. Там же Аннина комната была раньше, до переделки.»

«19 марта. Чётко услышала детский смех. Потом: „Не хочу играть!“ И тишина. Мороз по коже.»

Алексей листал страницы, и с каждой строчкой реальность вокруг него становилась всё более хрупкой. Это не было бредом сумасшедшей старухи. Это был протокол. Сухой, пугающий протокол наблюдения за заразой.

– Зачем вы это записывали? – прошепелявил он.

– Чтобы не забыть, что слышала, – просто ответила она. – А то оно старается, чтобы забывали. По кусочкам забирает память. Сначала про него, потом про себя. – Она пристально посмотрела на него. – Ты уже начал забывать то, что было вчера? Тон голоса? Слова?

Он вспомнил. «Ты почему меня не нашёл?» Слова были остры, как лезвие. Но голос... тембр... они уже расплывались в памяти, превращаясь в абстрактный «шёпот». Дом пожирал доказательства.

– Что мне делать? – спросил он, и в его голосе прозвучала неприкрытая, детская беспомощность.

Мария Степановна вздохнула.

– Уехать сейчас – не выйдет. Он уже вкусил. Не отпустит. Остаётся одно – опередить. Найти в своей памяти то, что он хочет съесть первым. И... вытащить это на свет. Проговорить. Вслух. Лишить его вкуса.

– Вы говорите, мне нужно вспомнить тот день.

– Нужно захотеть его вспомнить. А потом быть готовым к тому, что дом не отдаст своё без боя. Он будет подбрасывать тебе кошмары, ложные картины, будет пугать и сбивать с толку. Он захочет, чтобы ты сошёл с ума или просто... опустел. Как твоя мать.

Алексей закрыл тетрадь. Руки дрожали.

– А вы? Почему вы не опустели?

Горькая складка легла около её губ.

– Я свою дань отдала давно. Самые светлые воспоминания о муже... их там, в стенах, теперь. Иногда я слышу его голос. Это и мука, и отрада. Я выбрала не забывать. И тем самым отгородилась. Но ты – родная кровь. Для тебя забора нет.

Он вышел от неё, неся в руках тетрадь, как единственное оружие в бессмысленной войне. День клонился к вечеру. Его собственный дом стоял в сумеречном свете, и окна в нём теперь казались не слепыми, а прищуренными.

Он остановился на пороге. Вчерашний страх сменился холодной, ясной решимостью, тонкой как лезвие бритвы. Страх был перед неизвестным. Теперь он знал врага в лицо. Или, по крайней мере, знал его природу.

Он вошёл внутрь. Тишина встретила его, настороженная и плотная. Он прошёл в гостиную, сел на ящик напротив пустого камина, положил тетрадь рядом.

– Ну что ж, – сказал он тихо, но чётко, обращаясь к самому дому, к густой темноте в углах, к шепоту в брёвнах. – Ты хочешь мою память? Попробуй отнять.

И, закрыв глаза, он впервые за двадцать лет сознательно, насильственно устремился в темноту собственного прошлого. К реке. К крику. К тому дню, с которого всё началось.

А в ответ тишина вокруг сгустилась, став звонкой и угрожающей. И где-то в глубине дома, в бывшей детской, снова начался тихий, методичный скрип. Будто точили когти. Или ключ. Битва за память началась

Он не вспомнил. Вместо ясной картины на него обрушился хаос обрывков: ослепительное солнце на воде, холодок мокрой гальки под босыми ногами, ярко-желтый бант Ани, развевающийся на ветру. А потом – провал. Не тьма, а белое, режущее глаза пятно, как на старой засвеченной фотографии. И чувство – ледяной ужас, парализующий и всепоглощающий.

Алексей открыл глаза, отдышался. Он сидел, вцепившись пальцами в край ящика. Головная боль тугим обручем сдавила виски. В доме было тихо. Слишком тихо. Даже скрип прекратился.

Он взглянул на тетрадь Марии Степановны, лежащую рядом. Открыл наугад.

«...и главное – не иди на звук. Он знает, на что тебя позвать. Особенно ночью. Ночью здесь всё иное. Пространство лжёт.»

Предупреждение будто горело на странице. Но внутри него уже зрело другое, более опасное решение. Если дом общается через звук, через воспоминания, то нужно идти не от них, а к их источнику. К физическому центру. К тому месту, с которого начался «вакуум», как назвала это старуха.

К спальне родителей. Вернее, к той стене, откуда шел скрежет.

Он взял фонарик. Луч света, резкий и неестественный в сгущающихся сумерках, выхватывал из темноты знакомые очертания. Он снова вошёл в спальню. Теперь комната казалась ему не пустой, а затаившейся. Он подошёл к стене, смежной с кладовкой. Приложил ладонь. Штукатурка была холодной и шершавой. Ничего особенного.

И тогда его взгляд упал на плинтус. В одном месте, у самого угла, он отошёл от стены, образуя узкую, чёрную щель. Алексей присел на корточки. Луч фонаря скользнул внутрь. За плинтусом была не стена, а... пустота. И на полу этой пустоты лежал маленький, тусклый предмет.

Сердце заколотилось. Он поддел плинтус ножом из своего мультитула. Старая древесина поддалась с тихим хрустом. Он засунул руку в проем. Пальцы нащупали холодный металл. Он вытащил находку.

Это была маленькая, детская пряжка от сандалика. Синяя, пластиковая, полустершаяся. Пряжка Ани. Он узнал её мгновенно. В памяти, минующей сознание, всплыло ощущение: он застегивает эту пряжку на её тонкой щиколотке, она смеётся и дёргает ногой.

Пряжка выпала. Тогда. На этом самом месте? Почему она здесь, за стеной?

Луч фонаря снова метнулся в щель. И Алексей увидел, что это не просто щель. Это был узкий, не более десяти сантиметров в ширину, промежуток между настоящей стеной дома и более поздней, фанерной перегородкой. Потайной лаз. Или ловушка.

Разум кричал ему остановиться. Но тело уже действовало. Адреналин, смешанный с навязчивым желанием докопаться, толкал его дальше. Он упёрся плечом в фанеру. Она прогнулась с сухим треском и отъехала ещё на несколько сантиметров, открывая чёрный провал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.